

УДК: 811.161.1
Doi 10.26456/vtfilol/2026.2.012

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛИИ ВНУТРИСИСТЕМНОГО ТИПА

Л.В. Воронина

Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Рязанский филиал), г. Рязань

В фокусе внимания – внутрисистемная аномалия в языковых репрезентациях семантики цели, обусловленная исторически и имеющая первопричиной концепцию цели как идеи желаемого результата, определяющего объем и характер необходимых для ее достижения ресурсов (действий) и одновременно определяемого ими в аспекте потенциальной реализации задуманного. Выявляется специфика семантической структуры цели в аспекте взаимообусловленности ее компонентов, исследуется дискурсивный ракурс в направлении организации риторических отношений Purpose на локальном уровне дискурса и их интеграции в его глобальную структуру; сопоставляются формальные показатели предиката придаточных цели в историческом ключе и синхронии, обосновывается транспозитивность глагольной лексемы на -л, поясняется ее способность создавать специфическую модальность как контаминацию грамматических значений синтаксического конъюнктива.

Ключевые слова: языковая аномалия, семантика цели, семантика желаяния, индикатив, конъюнктив, оптатив.

Парадоксы в лингвистике, или языковые аномалии, – явление отнюдь не редкое. Парадоксальными – «неожиданными, непривычными, расходящимися с традицией» [21], – или аномальными, те или иные языковые феномены становятся по разным причинам: с одной стороны, дихотомия «язык vs речь» («норма vs узус»), вызванная в большей степени факторами экстралингвистического порядка, включающими в том числе интерференции литературного языка и нелитературных подсистем, взаимодействие исконно русской лексики и заимствований, обусловленное неодинаковой степенью интеграции последних в общенациональный язык; с другой – внутрисистемные сдвиги, происходящие вследствие естественного развития языка, когда теряется исходный языковой код того или иного лексико-грамматического феномена, то есть то, что Т.Б. Радбиль называет «своеобразной инкорпорацией в синхронию рефлексов исторического развития языка» [16: 34].

«Ненормативное явление озадачивает» [2: 5], и относительно словотворчества на передний план лингвистического анализа выдвигаются выделенные Н.Д. Арутюновой в работе «Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») семантика, словообразование и синтаксис [2: 16], ставшие объектами многочисленных и разносторонних

исследований в русле оппозиции языка и речи, нормы и девиации. Так, в прагматическом аспекте словообразовательные аномалии получают свое научное освещение в рамках изучения стратегий идентификации носителями языка единиц «с нетиповой и уникальной словообразовательной структурой» [5: 169], их исторической перспективы [4]; в русле теории синтаксического коннотатива объектами лингвистического анализа становятся девиантные синтаксические единицы, их типы и функциональная нагрузка [19]; вызывают лингвистический интерес приемы языковой игры, актуальной в разных жанрах устной и письменной форм дискурса [8; 11; 14], его медиаформате [10; 13]; активно обсуждается феномен обфускации как результат языковых аномалий на уровне лексики, грамматики и стилистики [15].

В фокусе внимания настоящей научной работы частный случай языковой парадоксальности, свойственной семантике цели в ее языковой реализации как результат сложного естественного хода развития языка. Выявить коммуникативный и прагматический ракурс языковой репрезентации суждений о цели, пояснить их природу, определить и обосновать грамматическую форму глагольной лексемы на -л, выполняющей функцию сказуемого в придаточных предложениях цели, составляет цель настоящих научных размышлений.

Общеизвестно, что семантика цели наряду со значениями причины, следствия, условия и уступки, входит в число каузальных значений, или значений обусловленности, семантическая структура которых представлена как минимум двумя компонентами, сообщающими о ситуациях, одна из которых обуславливает другую. При этом квалификация компонентов как обуславливающего и обуславливаемого не вызывает затруднений: причина и условие определяют действия, действия в свою очередь – результат. С целевым значением несколько иначе.

Парадоксальность семантики цели видится в характере отношений между двумя ее компонентами «Цель» и «Ресурсы», которые нельзя однозначно квалифицировать как обуславливающий и обуславливаемый: решение данного вопроса неизбежно выходит в философскую плоскость и напрямую связано с решением вопроса о том, что первично и, соответственно, что чем обусловлено.

Цель зарождается в эмоциональной сфере субъекта, формируется в его сознании как «предвосхищение в мышлении результата деятельности» [22], и в этом смысле именно цель определяет корпус ресурсов, необходимых для ее достижения. С другой стороны, цель – желаемый результат действий субъекта, иногда ее называют «желаемым следствием» [3: 190]. Таким образом, цель определяется действиями, наличие и / или достаточность которых обеспечит ее достижимость, – а иной цели и быть не может: недостижимые цели лежат в плоскости

желаний, которые, по правомерному утверждению Е.В. Алтабаевой, «безотносительны к его осуществимости / неосуществимости» [1: 332].

Иными словами, цель как образ желаемого результата действий предполагает их определенный характер (произвольный, осознанный), которые в свою очередь переводят идеальное желаемое в принципиально достижимое и тем самым детерминируют его возможную реализацию в действительности. В этом смысле компоненты семантической структуры цели следует квалифицировать как *взаимообуславливающие* и / или *взаимообуславливаемые*.

Сказанное имеет своей языковой реализацией гибкую структуру сложноподчиненных предложений с придаточными цели (в отличие от семантически близких им сложных предложений с придаточными следствия), а на уровне локального узла дискурса – риторические отношения Purpose¹ (цели) асимметричного типа, выстраиваемые по принципу «ядро – спутник», где функцию спутника выполняют сообщающие о цели дискурсивные единицы, соотносимые с предикативными / полупредикативными конструкциями. В дискурсивной перспективе гибкая структура СПП коррелирует с параметром «+/- backward» риторических отношений Purpose, однако каноническим (что подчеркивает первичность цели относительно ресурсов) выступает порядок, в соответствии с которым ядро предшествует спутнику [23: 17].

Кроме того, характер риторических отношений каузального типа – причина, условие, следствие – вариативен с точки зрения зависимостей, обусловленных волей субъекта или отсутствием таковых (Volitional Result vs Non-Volitional Result; Volitional Cause vs Non-Volitional Cause), тогда как ситуация цели подобной альтернативы не предполагает: цель всегда субъекта, то есть принадлежит конкретному лицу, и субъективна, так как определяется его желанием и волей. Именно в этой связи целевая семантика реже находит свою словесную экспликацию в естественном дискурсе: исключение составляет диалогически ориентированная коммуникация реактивного типа.

Несмотря на то, что цель сопутствует всем без исключения произвольным и осознанным действиям, риторические отношения Purpose – это отношения второго и более низкого уровней структуры (иерархии) глобального дискурса. Это означает, что исходная коммуникативная интенция редко сопрягается с установками говорящего на экспликацию цели. Чаще всего целевые отношения оказываются погруженными в более или менее многослойные предметные или интенциональные контексты, но сами крайне редко выступают организаторами дискурсивных блоков. Так, исследование языковых

---

¹ Иноязычные наименования риторических отношений приводятся здесь и далее в соответствии с Теорией риторических структур Mann & Thompson [23].

реализаций семантики цели в жанре интервью с политическим лидером ярко демонстрирует частотную погруженность риторических узлов Purpose в контексты обусловленности – Evaluation (оценка), Condition (условие), Volitional Cause / Non-Volitional Cause (волевая и неволевая причина), Volitional Result / Non-Volitional Result (волевой и неволевой результат), – и риторические блоки презентационального (интенционального) типа – Justify (обоснование), Motivation (мотивация), Antithesis (антитезис), Concession (уступка).

Наиболее очевидно парадоксальность семантики цели проявляется в грамматической плоскости: речь о противоречии формальных показателей глагола-сказуемого на -л модальности целевого придаточного, формирующейся в связи с конституирующими признаками семантики цели, важнейший из которых интенциональность (устремленность субъекта к желаемому): ирреальная модальность, характерная для семантики цели, предопределяет потенциальность ее достижимости в более или менее определенной перспективе и на первый взгляд не вяжется с грамматическим планом ее выражения.

Поднимаемый в настоящей статье вопрос является дискуссионным на протяжении нескольких десятилетий. Изучение научных источников позволило нам сформулировать три точки зрения на грамматическую природу глагола-сказуемого на -л:

1) традиционная, подкреплённая «Русской грамматикой» [18: 332], в соответствии с которой глагол-сказуемое употребляется в форме сослагательного наклонения;

2) историческая: формальные показатели глагола-сказуемого на -л свидетельствуют о том, что современный индикатив прошедшего времени в прошлом – действительное причастие прошедшего времени [9: 526];

3) осторожная: в связи с очевидной утратой грамматического значения предиката (будь то индикатив или конъюнктив) предполагается, что сказуемое в придаточных цели выражено глагольной лексемой на -л без указания на ее грамматические статус и категории.

Подчеркнем: каждая из точек зрения заслуживает внимания и имеет свои обоснования и, более того, каждая из них не объясняет, каким образом в компоненте «Цель» формируется особая модальность, не имеющая ничего общего ни с сослагательным наклонением (версия № 1), ни с индикативом прошедшего времени (версия № 2), и какую роль при этом играет (если играет) ирреальная метка *бы* в составе подчинительного союза *чтобы*.

Исторически сложилось так, что сослагательное наклонение в своей современной форме образовалось после того, как комплекс из довольно неспецифических для современного русского языка средств стал выражать семантику цели. В своем исследовании «Очерки по историческому синтаксису русского языка» [9] Т. М. Ломтев приводит

фактический материал, который убедительно доказывает значимые для квалификации предиката в придаточных предложениях цели позиции:

1) изначально придаточные цели крепились к главному предложению посредством союза *что* (без формы *бы*), и лишь позднее к нему присоединилась форма аориста 3 лица единственного числа от глагола *быти*;

2) о цели сообщали синтаксические конструкции, предикативный центр которых был представлен формами, соотносимыми с современными индикативами не только прошедшего времени, но и настоящего и будущего и даже императивом (2, 3 лицо + частица *да*) – ср. современное *да здравствует* и строки из стихотворения А.С. Пушкина «И.И. Пущину»:

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

Вышесказанное означает, что первоначально позиция сказуемого в придаточных цели не была грамматически фиксированной как в настоящее время и лишь со временем форма *бы* и глагольная лексема на *-л* закрепились за сослагательным наклонением.

Несмотря на очевидную оппозицию *реальность vs ирреальность*, квалификация глагола-сказуемого на *-л* в придаточных предложениях цели как индикатива прошедшего времени, на наш взгляд, выступает более обоснованной, так как именно с данной формы начинается развитие значения цели в гипотаксисе, на ее основе впоследствии формируется конъюнктив, следовательно, первоначально семантику цели формировал не модальный квалификатор *чтобы* вкупе с глагольной лексемой на *-л*, а что-то иное и, как показывает анализ эмпирических фактов исторического синтаксиса, не имеющее отношение к материальной природе языка, ибо, по правомерному утверждению В.Г. Руделёва и А.Л. Шарандина, «грамматическая семантика... сама по себе не играет какой-либо роли в языке, грамматическая семантика – только шифр лексической семантики» [17: 22].

Безусловно, модальность формируется триединством «способ – форма – средство» [12: 78-79], но за модальностью, точнее над нею, на неязыковом уровне, стоит мышление: идеальные представления человека о цели, ее видение как идеи, образа, предшествующего действиям для ее достижения (отсюда форма прошедшего времени). Полагаем, данное утверждение объясняет присутствие индикатива в конструкциях цели и тем самым снимает противоречие между ирреальной модальностью, устанавливаемой в целевых придаточных, и значением прошедшего времени глагола-сказуемого.

Кроме того, использование морфологического индикатива, на наш взгляд, не только создает, но и подчеркивает характер ирреального плана синтаксической конструкции в целом. Языку известны случаи нетипичного употребления наклонений и времен: в частности, использование формы прошедшего времени в значении императива наряду с волеизъявлением субъекта речи выражает его установку на более быстрое реагирование адресата, чем традиционный императив: *Открыли тетради, зафиксировали информацию vs Откройте тетради, зафиксируйте информацию*. Есть основания полагать, что в случае с семантикой цели быстрота достижения желаемого результата так же подчеркивается выбором формы прошедшего времени.

В структурном отношении, решая вопрос о морфологической природе предиката, важно иметь в виду, что исследуются не независимые предложения, сообщающие о цели, а придаточные в составе сложных синтаксических конструкций, модальность которых отнюдь не сумма модальностей входящих в его состав предикаций. В работе «Сослагательное наклонение в русском языке» Н.Р. Добрушина справедливо отмечает: «Значение большинства придаточных с элементом *бы (б)* несоотносимо с семантикой сослагательного наклонения, которая наблюдается на материале независимых предикаций» [6: 173]. Данное утверждение применимо и к целевым структурам:

1) *N сделал все, чтобы мать порадовалась. – N сделал все. Порадовалась бы мать!*

2) *N сделал все, чтобы порадовать мать. – N сделал все. Порадовать бы мать!*

Искусственное разделение компонентов сложных предложений, перестройка придаточных цели и расщепление союза *чтобы* на составляющие имеет своим результатом оптативные конструкции, которые по своему значению так же далеки от сослагательного наклонения, что и отмечает Е.В. Алтабаева: «Включение оптатива в систему значений сослагательного наклонения...базируется на формальных (сугубо морфологических) основаниях» [1: 105]. Те же исключительно формальные основания лежат в основе интерпретации формы сказуемого в придаточных цели как морфологического конъюнктива: цели абсолютно несвойственно контрфактивное значение, характерное для сослагательного наклонения, и с оптативом налицо существенная разница (ее составляет оппозиция конституирующих признаков цели и желания: контролируемость (*сделал все*) vs неконтролируемость (*хочет сделать все / сделал бы все*), произвольность vs произвольность).

Немаловажно отметить, что в «Русской грамматике» относительно видов придаточных предложений цели сказано, что сказуемым может выступать финитный глагол в форме сослагательного

наклонения (что предполагает искусственное вычленение *бы* из союза *чтобы*) и инфинитив. Однако в последнем случае грамматический функционал частицы *бы* оказывается неочевидным, поскольку «Русская грамматика» отказывается признавать за сочетанием инфинитива и частицы *бы* форму сослагательного наклонения [18: 625-626]. Следовательно, утверждения о грамматической природе сказуемых в придаточных цели представляются противоречивыми, так как они оба (и инфинитив, и глагольная лексема на *-л*) по сути формируют модальность одного типа с той лишь разницей, что в случае с инфинитивом искусственное выделение *бы* из союза *чтобы* выступает неправомерным, как и последующая трансформация придаточного в оппозитивную конструкцию (*Порадовать бы мать!*), в отличие от придаточных цели с предикатом-индикативом.

Перечисленные выше противоречия между формальными показателями и семантикой, структурными трансформациями союза *чтобы*, включая искусственные, способные привести к отрицанию наличия в русском языке союза *чтобы* [20: 367], глубокой историей формирования и последующими этапами развития грамматических категорий повлекли за собой осторожную, но непротиворечивую квалификацию предиката в придаточных цели как глагольной лексемы на *-л*, которая снимает все возможные нестыковки при определении ее частеречного статуса и привязке к грамматическим категориям. К тому же, как отмечает Г.А. Золотова, «значение категории наклонения как показателя основной модальности предложения шире собственно морфологического» [7: 143].

В случае с целевой семантикой в конструкциях соответствующего типа есть смысл усматривать признаки сослагательного синтаксического наклонения (возможность), желательного (оценка), условного (обусловленность), побудительного (контролируемость), и, опираясь на историю вопроса, мы не можем согласиться с тем, что модальность целевой конструкции формирует морфологический конъюнктив или индикатив. Однако если изначально о цели сообщала форма прошедшего времени, следовательно, именно она максимально соответствовала идеальной концепции цели, утверждая и подчеркивая ее первичность относительно действий, и таким специфическим образом сообщала о желаемом результате произвольных и осознанных действий субъекта.

Выводы:

1. Парадоксальность семантики цели в языковой и коммуникативной реализациях проявляется в грамматическом, дискурсивном и прагматическом аспектах, то есть в объективной плоскости знания (язык) и субъективном его применении (речь).
2. Философская трактовка цели как антиципированного желаемого результата произвольных и осознанных действий ее субъекта

предполагает неоднозначность квалификации компонентов ее семантической структуры («Цель», «Ресурсы») как обусловливающего и обусловливаемого, которые в отличие от иных каузативов (следствие, условие, причина) могут быть номинированы как *взаимобусловливающие* и / или *взаимобусловливаемые*. В плоскости языковой системы указанный характер цели и действий подчеркивается тесной связью, спаянностью обоих компонентов семантической структуры и нечленимостью союза *чтобы*.

3. В дискурсивной перспективе парадоксальность целевой семантики обнаруживает себя, во-первых, в организации риторических отношений Purpose предметного типа по принципу «ядро-спутник», характеризующихся гибкостью структуры (параметр «+/- backward»), и, во-вторых, в интеграции локальных узлов Purpose в глобальную структуру дискурсивных фрагментов как риторических отношений второго и более низкого уровня общей иерархии, их органичность в контекстах предметного и интенционального типов.

4. Прагматический аспект связан с приватным характером цели и субъективными коммуникативными установками ее субъекта на экспликацию, его волей / желанием в зависимости от ситуации коммуникации, что имеет своим следствием нечастый характер манифестации цели и реактивный характер общения в рамках диалогически ориентированного дискурса.

5. Парадоксальность внутрисистемного типа, обнаруживающая себя в несоответствии формальных показателей предикатов придаточных предложений, сообщающих о цели, и модальности, устанавливаемой в синтаксической конструкции, обоснована когнитивно и исторически.

Модальность есть отражение лексической семантики и ключ к пониманию ее формирования и языковых реализаций. Многочисленные зафиксированные в синхронии факты транспозитивности русского глагола позволяют утверждать, что глагольная лексема на -л способна участвовать и участвует в формировании ирреальной модальности со значением и побудительности, и возможности, и желательности, а характер цели как идеального образа желаемого результата, предшествующего произвольным и осознанным действиям, объясняет востребованность формы прошедшего времени в формировании специфической ирреальной модальности, совмещающей в себе признаки нескольких наклонений синтаксического конъюнктива.

Список литературы

1. Алтабаева Е.В. Концепт желание в русской ментальности // Язык и ментальность в диахронии. Владимир, 2017. С. 328–333.
2. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира» // Вопросы языкознания. 1987. №3. С. 3–19.

3. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
4. Бунатиру Э.М. Непонятный язык Курбского: новые подходы к интерпретации «аномалий» в исторических текстах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: Язык и литература. 2021. № 1 (Том 18). С. 37–55.
5. Денисова Э.С. Словообразовательные аномалии в современном русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–3 (520). С. 169–173.
6. Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага, 2016. 426 с.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука 1973. 352 с.
8. Козлова Л.А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 121–128.
9. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 596.
10. Массальская Ю.В., Николаева А.В. Аномалии в рекламном тексте (на примере английского языка // Современные исследования социальных проблем. 2023. № 2(15). С. 151–167.
11. Пак С.М. Языковая игра как эстетическое средство в художественном тексте (на материале романа Л.М. Олкотт «Маленькие женщины» // Язык как структура и дискурсивная практика. 2023. № 3 (3). С. 24–30.
12. Парамонов Д.А. О грамматическом выражении модальности в современном русском языке // Вестник Омского университета. 1998. № 2. С. 76–79.
13. Петрова Л.С. Эллиптические предложения как конструктивные аномалии интернет-дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3 (858). С. 68–74.
14. Плотникова А.М. Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/50474/1/ufv-2014-01-06.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
15. Радбиль Т.Б. Обфускация как аномальное использование языка: принципы прагмалингвистического и лингвосемиотического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 194–200.
16. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006. 319 с.
17. Руделёв В.Г., Шарандин А.Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий (Нейтрализации в пределах глагольной лексемы. Категории императивности и времени) // Деривация и полисемия. Тамбов, 1984. С. 32–53.
18. Русская грамматика. Том II. Часть 2. М.: Наука, 1980. 440 с.
19. Сергиевская Л.А., Мелехова Л.А. Синтаксические аномалии как средство коннотатива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 50–58.

20. Современный русский язык. Синтаксис / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1957. 515 с.
21. Современная энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=парадокс&from=ru&to=xx&did=&stype=0> (дата обращения: 10.11.2025).
22. Философский энциклопедический словарь. URL https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3661/ЦЕЛЬ (дата обращения: 10.11.2025).
23. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation. USA: CA, 1987. 82 p.

Об авторе:

ВОРОНИНА Любовь Валентиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (390043, Рязань, район Красный, 1-я Красная улица, 18); e-mail: lv-voronina@mail.ru.

A SPECIAL CASE OF A LINGUISTIC ANOMALY OF AN INTRASYSTEMIC TYPE

L.V. Voronina

Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Ryazan branch), Ryazan

This article deals with an intra-systemic anomaly in the linguistic representation of purpose semantics. The specificity of the Purpose semantic structure is revealed in terms of the interdependence of its components, and a discursive perspective is explored in the direction of the Purpose rhetorical relations organization at the local level of discourse and their integration into its global structure. Formal indicators in the subordinate clauses of purpose are compared in a historical key and synchronicity, the transpositivity of the verbal lexeme ending in *-л* is substantiated, and its ability to create a specific modality as a contamination of the grammatical meanings in the syntactic conjunctive is explained.

Keywords: *linguistic anomaly, purpose semantics, desire semantics, indicative, conjunctive, optative.*

About the author:

VORONINA Lyubov Valentinovna – Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (1-Ya Krasnaya Ulitsa, 18, Ryazan, Ryazan Oblast, 390043); e-mail: lv-voronina@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 09.11.25
Подписана в печать 23.03.26

© Воронина Л.В., 2026